

Клуб рассказчиков

Алексей МИХЕЕВ

ЗАБАВА ДЛЯ ЛАРИСКИ

И совсем ничего не было смешного в том, что рядом с институтом на стройке лабораторного корпуса работали зэки. И напрасно Лариска, сама смеясь до слез, пыталась представить это нам все пределом комизма. Смешным это не выглядело ничуть. После двух лет работы заключенных около нас, к которым мы уже успели привыкнуть, подобное обстоятельство вообще воспринималось как данность. С другой стороны, ее очередное «приключение», заключающееся в «романтическом знакомстве» с зэком через колючую проволоку, которое произошло весной накануне сессии и о котором она прожужжала мне все уши, и вовсе было лишено остроумия. К тому же эта ее очередная игра в романтику, в кошки мышки, пусть даже и с зэком, не вызывала у меня особой радости, и я, как мог, пытался Лариску отговорить.

Я говорил ей, что заключенным и так живется несладко, что они во многих отношениях несчастные и заслуживающие определенного снисхождения люди, отверженные, бесправные, лишённые элементарных человеческих благ и свобод, уже наказанные. Находиться в их положении и не начать ненавидеть людей и так очень трудно, в то же время окончательно обозлиться

на все крайне легко. Поэтому смеяться над таковыми может только дубина.

Но разве Лариске было до этого? Она просто заходила от восторга, купалась в атмосфере любви и обожания, пропадала на стройке часами, караулила своего зэка у колючей проволоки, придумывала какие-то только им известные сигналы и знаки, какими она могла объясняться издали, забавлялась пламенными письмами к нему, вела хитрую игру с конвоем, умудрялась при вывозе заключенных из зоны на машинах сунуть ему то пачку чая, то сигареты. Упорно изображала из себя декабристку. Поговаривала ни много ни мало о подкопе!..

Без конца вспоминала героев Гюго и Вальтера Скотта, ухахатывалась с подружками, составляя с ними записки к нему, заворачивала их в фольгу или в хлебный мякиш, делала из них голубков, непрерывно крутилась у КПП, надоела своими бесконечными просьбами всем начальникам караула, далеко продвинулась в усвоении блатной лексики, а меня стала называть иногда от избытка юмора «хмырь болотный».

«Мне сказали, что он самый отъявленный. Рецидивист!», – говорила она мне после каждого свидания что-нибудь подобное, тараща глаза от воз-

буждения, и крутила головой по сторонам в поисках людей, которым еще не рассказала эту свою историю.

Я сносил ее оживление недели три, как всегда, стараясь не обращать на суету внимания, но после того как она в конце концов попала на глаза какому-то большому лагерному начальству, вследствие чего ее вызвали в милицию, а потом и в деканат, чтобы устроить выволочку, я решил, что все же должен вмешаться и серьезно с Лариской поговорить.

Я сразу начал с основного. Я сказал ей, что все это, конечно, захватывающе и полно острых ощущений и адреналина, но, в то же время, разыгрывать человека, совершенно забывая, что у него есть свои чувства, свои собственные проблемы, горести, своя жизнь, только ради того, чтобы доставить себе удовольствие, начисто забывая о том, что будет после, в высшей степени гнусно.

– Ох, и любите вы рассуждать, теоретики, – ответила Лариска, сразу отделиваясь от моей серьезности. – А, по-моему, ты просто ревнуешь!

– Причем тут ревность?! – совсем уже возмутился я, потому что отчасти Лариска была права. Ревность, конечно, была. Заклоченный ее, хотя и носил куртку с фамилией на груди, все же был живой человек и мужчина. Но это было не главное. – О человеке думать надо!..

– Ах, так ты о человеке думаешь!.. – произнесла Лариска со значением, и на этом наш серьезный разговор закончился.

И следующий раз мы заговорили с Лариской о ее заключенном уже только спустя полтора месяца. За это время успел закончиться учебный год, наступила сессия, началась обычная предэкзаменационная, связанная со сдачей задолжностей чехарда, спешка, нервотрепка, и мне, признаться, было не до него. К тому же и Лариске требовалось, помимо всего прочего, сдавать почти за весь год эспюры, и поэтому ни на что другое у нее просто не оставалось времени, и со своим эзком она могла видаться очень редко. А там до нас дошли слухи, что строительство лабораторного корпуса вообще заканчивается, и эзков переводят на другой объект, а на одном из экзаменов мы убедились в этом сами. Зону разгородили, проволоку убрали, и заключенных

вообще не стало. И я уже было начал о всей этой истории благополучно забывать.

Как вдруг в самом конце сессии перед последним экзаменом по электродинамике, к которому мы готовились на последнем запасе терпения и сил, Лариска прибегает ко мне домой, сияющая как эмалированный чайник, и размахивает у меня перед носом конвертом с обратным адресом «учреждение номер...».

– Написал-таки мой уголовничек! А я уж и перестала ждать, думала, пропала моя пассия во тьме забвения. А сегодня мама приносит мне письмо и говорит, конверт какой-то странный, не похоже, чтоб из армии, кто это, говорит, тебе?.. А это, оказывается, Колюнчик!.. И, главное, что пишет-то... Какой стиль!.. «Здравствуй, дорогая Лариса! С приветом к тебе Николай. Пишу тебе из города Б. Нас перевели сюда строить Б.-ский консервный комбинат. Дела у меня идут пока хорошо. Фундамент мы уже врыли...» Каково? – хохотала она, и не могла остановиться, наверное, минуту.

– Или, вот, еще дальше: «Раньше я думал, что такие девушки, как ты, для меня недоступны. Есть разные жизни, в одной из которых такие, как ты, а в другой оставшиеся остальные, ты все в моей жизни перевернула. Если бы хотя бы сотая часть людей в мире была бы такими, кто бы тогда отказывался верить в светлое будущее!..»

– Лариска, – перебил ее я, – неужели ты все еще не понимаешь, что совершаешь подлость?

– Почему подлость? Ты вот лучше дальше послушай... «Когда ты первый раз около нас появилась, ты была такая красивая, что пацаны наши даже не решились тебе ничего брякнуть... Как я потом гордился тобою. На случай, что ты придешь, я даже ботинки стал чистить. Все до сих пор, как вспомнят, поднимают меня на смех...»

– Лариска, ты невозможна, честное слово.

– Ну что опять такое?

– Ты задумывалась над тем, что станет с ним, когда он поймет, наконец, что все это была только шутка?

– Ах, оставь. Вот, он пишет, что я его путеводная звезда, что я идеал женщины, что со мной можно идти в разведку. «Ты сама себе не знаешь цену. С тобой рядом быть – это уже счастье...»

Я вырвал из рук Лариски письмо и начал читать дальше сам:

«Работаем мы на окраине города в лесу. Рядом со стройкой река. Когда нас привозят сюда утром, видно, как над водой стоит туман, и воздух свежий и душистый. Я часто вспоминаю здесь, как в детстве ездил с отцом на охоту. Мы тогда спали в стогу, просыпались на рассвете. А туман над лугом был такой густой, что не видно было даже камышей, а утки появлялись в нескольких метрах над головой и опять исчезали в тумане. И все вокруг было мокрое, и ствол ружья, и сапоги, и трава, и даже фуражка. И я там убил своего первого чирка и, помню, мучился, глядя на то, как он бьется перед смертью...»

– Слушай, Лариска, он еще и неглуп и вообще, он, похоже, неплохой парень. Я тебя прошу, сделай одолжение, не отвечай ему хотя бы на письма.

– Это еще почему?

– Он подумает, что адрес неточен, или что-то случилось, или ты не хочешь отвечать, что ты умерла, наконец. По крайней мере, не зацепится окончательно. И у него еще будет выход.

– Ну нет. Тем более, я уже ему ответила.

– Уже?

– Да, – сказала Лариска удовлетворенно.

– И что же ты ему накатала?

– Написала, чтобы он меньше трагил времени на чувствительные воспоминания, а повышал бы свой культурный уровень. В библиотеку бы записался, грамматикой своей занялся. А то пишет как папуас!..

– Нет, ты неисправима, это просто издевательство!

– И совсем не издевательство.

– Человек в тюрьме...

– Ну, а что я? Я что-нибудь неправильно написала?

– Ладно, может, все это и к лучшему. Он обидится и, наконец, поймет, что к чему. И все станет на свои места. Но ты!.. Зачем ты всегда это делаешь?..

– Володенька, но это же так интересно!.. И потом, у меня в жизни никогда не было заключенного...

– Решительно, ты садистка!

– Какая же я садистка? – Лариска подошла ко мне ближе и, положив мне на шею руки, прижалась ко мне грудью. И я вспомнил, что мы с ней давно уже не виделись.

Лариска подставила губы, и я поце-

ловал ее один раз. Потом другой.

– Может, ты хотя бы предложишь наконец даме пройти и предложишь чаю?

– Проходи, – все еще недовольно пробурчал я и пропустил ее в кухню.

Родители были на даче, и мы провели весь остаток дня вдвоем. По дому Лариска ходила в материнном купальном халате, смеялась над какой-то юмористической передачей по телевизору, что-то там пела, включала музыку. Несмотря на то, что была сессия, она успела уже где-то загореть, и только грудь ее выделялась двумя большими белыми пятнами на всем остальном побронзовевшем от загара теле.

Но Николай не обиделся. Напротив, за то, что Лариска ответила, он написал к ней письмо еще с большим восторженным. Он с полной серьезностью и безропотно воспринял все ее иронические замечания и советы, сообщил, что уже записался в библиотеку и что даже уже прочел «Капитанскую дочку». Мало того, еще и просил прислать ему список книг, какие, она считает, ему прочесть необходимо. И после этого у них начался эпистолярный роман.

За самим ходом переписки я следить не мог, потому что на лето мы разъехались в разные места на практику, и поэтому мог лишь догадаться, какую бурную деятельность проявила Лариска в их взаимоотношениях по тем разрозненным его ответам какие мне удалось прочесть осенью после практики по возвращению. Из писем было уже совершенно ясно, что роман их находится в самом апогее, начинает уже кристаллизоваться и принимать форму железобетонных стен, и что он близится к неизбежному финалу.

Из всех посланий мне запомнилось особенно одно:

«В жизни каждого эзка, – писал он, – обязательно была женщина, от которой он ушел в тюрьму. Может, это была мать, или сестра, или соседка по дому, случайная знакомая, с той, с которой он провел всего одну ночь, я уж не говорю про жен. Но эту одну женщину, именно женщину, единственную в мире, он тут, где женщин нет вообще, выделяет и помнит постоянно. Перебирает в уме каждую черточку ее внешности, и каждую минуту, когда они были вдвоем. Даже если там он не придавал знакомству значения, здесь каждая мелочь в их жизнях предстает полной

смысла. И если там эта женщина была для него даже неинтересна, скучна, сварлива, несносна, не нужна, или как материнская забота, привычна, здесь в его уме как-то делается так, что она становится для него единственной...

Что говорить о том, какой женщиной явилась здесь для меня ты!..»

Ну, а из одного из последних писем я извлек новость, что Николай еще и скоро освобождается. То ли в результате амнистии, то ли из-за его хорошего поведения и еще каких-то там неожиданных заслуг, срок у него сократили, и он только и ждет не дождется, чтобы объявиться к ней.

– Вот те на! – сказал я. – Так ведь он приедет!...

– Да, приедет, – невозмутимо подтвердила Лариска.

– И что же ты будешь делать?

– Что-нибудь придумаю...

– Что тут можно придумать, я просто ума не приложу...

– Тебе-то что беспокоиться, это моя забота.

– Ты так говоришь, как будто это меня совершенно не касается.

– А это тебя действительно не касается.

– Может быть, я вообще тут лишний, – вспылил я.

– Может, и лишний, – резко ответила Лариска.

И мы поругались. Я хлопнул дверью и несколько дней не приходил к ней.

Освободился Николай где-то через два месяца.

Когда он вышел, он не сразу прибежал к Лариске, он сделал все умно. Он устроился в районном городе нашей области, поступил токарем на завод, поселился в общежитии, разобрался с документами, купил себе костюм, привел себя нормальный цивилизный вид. И в городе объявился только месяца через полтора. Когда полностью на новом месте определился.

Он пришел к Лариске с букетом цветов, опрятный, загорелый, в хорошо сидящем на нем костюме, чисто выбритый, с короткой стрижкой на голове. И вообще, надо признаться, вид у него был в момент появления у Лариски очень впечатлительный. Зато у меня был вид в первый момент по крайней мере жалкий. Надо же было ему прийти к Лариске в то время, когда у нее был и я.

– Здравствуй, дорогая Лариса! –

сказал он с порога, широко улыбаясь и протягивая к ней руки.

– Здравствуй, Коля! – спокойно ответила Лариска, протягивая ему лишь одну ладонь.

Ответила она довольно холодно, уже без всякого выражения радости, какое она постоянно демонстрировала во времена первых встреч, и по одному ее тону я понял, что она уже все решила и все продумала наперед. Романтика кончилась, приключение завершилось, пора было все ставить на свои места. Но я поразился тому, с какой скоростью она все это сделала.

– Познакомься, Коля, – сказала она, делая попытку высвободить свои пальцы из Колиных ладоней и показывая ему взглядом на меня: – Это Володя. Мой муж.

Меня даже в пот бросило от подобной наглости. Не думал я, что она делает козлом отпущения еще и именно меня.

Улыбка на его лице чуть поблекла, и он несколько раз недоуменно взглянул на меня.

Я выдернул из кармана руку, сунул ее наконец в протянутую им ладонь, потом спрятал зачем-то руку за спину и, не зная что делать дальше, сел в кресло и уткнулся в журнал.

Не могу сказать, кто чувствовал из нас себя хуже, но в любом случае это не Лариска.

– Садись, Коля, – сказала она, указывая на кресло, – рассказывай. Курить хочешь, Володенька, дай, пожалуйста, сигарету.

– Нет, у меня есть, – забеспокоился Коля.

– Тогда разреши и мне, – она вытащила сигарету из его пачки и, прикурив, повторила:

– Ну, рассказывай. Мы слушаем.

Она и на самом деле поудобнее устроилась в своем кресле, рядом со мной, и сделала внимательное лицо.

– Да я и не знаю, что рассказывать, – замялся Коля и еще раз посмотрел на меня.

Я тоже не знал, что он может рассказать, и чувствовал себя крайне неловко из-за навязчивых Ларискиных вопросов.

Пепельница от Николая стояла далеко, между мной и Лариской, и он все никак не решался подняться из кресла и подойти к ней. Я перехватил его взгляд на столбик пепла от сигареты и поставил пепельницу на журнальный столик.

Николай поблагодарил и стал старательно возить в ней окурки, пока не выбил огонек. Он прикурил еще раз и опять взглянул в мою сторону.

— Ну, рассказывай же, Коля. Володи не стесняйся, он о тебе все знает, знаком с тобой по письмам, я ему говорила обо всем...

При словах «говорила обо всем», Николай покраснел, низко опустил голову и потер кончиками пальцев лоб.

Вниз он спускался, перепрыгивая через несколько ступенек сразу. И даже из квартиры было слышно, как зазвенела растягиваемая пружина и громко хлопнула на первом этаже выходная дверь.

На этом знакомство Лариски с Николаем, можно сказать, закончилось. И рассказ мой на этом, в общем-то, кончается тоже. Следовало бы, наверное, справедливости ради добавить только о том, что стало с Николаем в дальнейшем.

Я его встретил через три года на заводе, куда меня послали в командировку от управления, в которое я устроился работать после окончания института. Столкнулись мы с ним в их цехе

случайно. Николай меня узнал, и мы поговорили.

Прошло всего три года, а Николай уже был ведущим мастером на заводе, его фото висело на доске почета, сам он заочно учился в строительном институте, был женат, имел маленькую дочку, а вспоминая о Лариске, отзывался о ней с нежностью и благодарностью. Говорил, что она вывела его в люди, что не будь ее, не стал бы он в жизни нормальным человеком, а так бы и скитался по тюрьмам и лагерям.

Кто знает, может быть, он и прав...

А сама Лариска работает сейчас на сейсмологической станции близ Анадыря, на Чукотке, на краю света, куда, конечно же, уехала в погоне за приключениями. Мы с ней давно уже не переписываемся. Но ее подруга, встреченная мной не так давно в городе, рассказала мне кое-что о ее жизни и даже показала от нее последнее к ней письмо.

Лариска пишет, что при всех этих северных сияниях и бескрайних снегах вокруг там зимой холодно, что в общежитии батареи греют плохо, и что ей скучно, мерзко и что она в скором времени собирается из Анадыря удрать.